

новились на привал. Ко мне подошла группа офицеров. Впоследствии я узнал, что это были комиссары частей, которые двигались вместе с ними. Они предложили мне объединить и возглавить все находящиеся здесь войска. Приняв их предложение, я приступил к созданию штаба окруженных войск. К исходу дня из частей прибыли командиры для работы в штабе и для связи.

Недолго пришлось мне командовать объединенными частями. Обстановка с каждым днем ухудшалась. По мере дальнейшего продвижения вперед все сильнее сказывалась усталость. Давал о себе знать и голод. Увеличивалось число отстававших бойцов. По нашим расчетам мы находились примерно в 15 километрах южнее Вязьмы. Где-то шел сильный бой. Отчетливо доносились пулеметная стрельба, орудийные раскаты. Это противник обстреливал боевые порядки наших войск, оборонявшихся подступы к Вязьме. Постепенно отзвуки ожесточенного боя удалялись. Видимо, расстояние между нами все увеличивалось. Нечего было и думать о быстром соединении с частями Красной Армии.

Обнаружив нас, противник в течение двух часов бомбил лес. Враг рассчитывал, что теперь окруженные войска не только деморализованы, но в основном и разгромлены. Выбросив на опушку леса три походные кухни с горячей пищей и радиомашину с усилителем, фашисты начали свою лживую пропаганду: «Выходите, оружие оставьте в лесу, сдавайтесь, не проливайте напрасно крови, мы сохраним вам жизнь. Вы голодны, получайте рисовую кашу, она вам подана. Даем срок два часа. Если не сдадитесь добровольно, то по истечении двух часов вы будете уничтожены».

Мы отошли на 5—6 километров в глубь леса.

После короткого отдыха командиры частей обсудили создавшуюся обстановку. Было принято решение выходить из окружения небольшими отрядами, нарушая коммуникации врага, нападая на обозы, транспорты. На этом закончилось мое командование объединенными войсками ополченцев.

Вышел я из окружения с отрядом 360 человек в районе Тулы. Весь личный состав поступил в распоряжение командования. Меня штаб Западного фронта назначил командиром 601-го мотострелкового полка.

Л. ГОЛЬМАН,
бывш. командир взвода 291-й
стрелковой дивизии (ранее
ополченец Железнодорожного
района)

Ополченец

Иван Лобачик

В начале сентября 1941 г. наша 291-я дивизия, передав свои позиции на участке Колпино — Красное Село Ленинградского фронта, была переброшена на Карельский перешеек. Линия обороны проходила здесь примерно по старой советско-финляндской границе. Это был последний крупный оборонительный рубеж на ближних подступах к Ленинграду с севера. Нам противостояли воинские части Финляндии — тогдашнего союзника гитлеровской Германии.

В один из сентябрьских дней меня вместе с несколькими бойцами сняли с передовой и направили в поселок Песочный, где находился штаб 291-й дивизии. В Песочном формировался ударный батальон особого назначения. Здесь я впервые и встретился с замечательным человеком Иваном Петровичем Лобачиком — комиссаром этого батальона.

В помещении штаба сидел рослый, светловолосый, отличавшийся прекрасной военной выправкой человек. В недавнем прошлом это был сугубо штатский человек, житель Москвы. На фронт он рвался с первых дней войны. Долго добивался, чтобы сняли бронь, и добился. Вступил в ряды народного ополчения Железнодорожного района Москвы. В июле 1941 г. командный и политический состав формируемой районом дивизии (в том числе и И. П. Лобачик) был отправлен для фор-